

Политические процессы, институты, технологии

УДК-329

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-3-5-14

РЕГИОНАЛИСТСКИЕ ПАРТИИ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: ФАКТОРЫ УСПЕХА

П. В. Панов

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Аннотация

В конце XX – начале XXI в. регионалистские партии превратились в авторитетных и влиятельных игроков на политическом поле европейских стран, однако неравномерность их развития в кроссрегиональном измерении ставит вопрос о факторах, которые способствуют успеху регионалистов. Анализ литературы показывает, что использование различного исследовательского инструментария приводит исследователей к разным выводам относительно влияния таких факторов, как специфика региона, уровень развития его экономики и степень децентрализации. В данной статье ставится задача, используя иные способы операционализации переменных, на других эмпирических данных проверить гипотезы, сформулированные в предыдущих работах. Исследование проведено методом множественной линейной регрессии на эмпирическом материале всех 313 административно-территориальных единиц европейских стран, которые соответствуют понятию «регион». В отличие от предыдущих работ, в анализе используются данные, характеризующие современный этап развития регионалистских партий, их сила измеряется как среднее значение доли мест, полученных регионалистами в региональном парламенте за три последних электоральных цикла. В результате анализа установлено, что наиболее устойчивое влияние на успех регионалистских партий оказывают социокультурная и историческая специфика региона, при этом социокультурные особенности имеют решающее значение. Уровень экономического развития региона также статистически значим, но его эффекты разнонаправлены. В странах «старой» Европы к регионализму склонны более развитые регионы, а в «новой» Европе, напротив, регионалистские партии успешнее в относительно слабых регионах. Гипотеза относительно позитивного воздействия децентрализации на развитие регионалистских партий не нашла подтверждения.

Ключевые слова: регион; регионалистская партия; сравнительный анализ; выборы; региональная специфика.

Одним из направлений трансформации партийных систем в европейских странах в конце XX – начале XXI в. стало существенное усиление регионалистских партий (см., например, Jeffery, 2009; Jolly, 2015; Осолков, 2021; Туров, 2021). И если в середине XX в. исследователи, руководствуясь модернистской парадигмой, рассматривали регионалистов как «причудливый анахронизм» и даже как «сбившихся с пути преступников и террористов» (Роккан и Урвин, 2003: 117), в конце столетия ситуация кардинально изменилась. Ученые пришли к выводу, что из «нишевых партий» регионалисты превратились в авторитетных и влиятельных игроков на политическом поле европейских стран (Нерburn, 2009: 477). Дальнейшее развитие событий (приход регионалистов к власти в Шотландии, Каталонии, на Корсике, устойчивое их доминирование в правящих коалициях в Стране Басков, Южном Тироле, Истрии и в других регионах стран Европы) подтвердило этот вывод.

В общем виде рост регионалистских политических партий вызван трансформацией национальных государств (nation-states), то есть «моноцентричной» формы политической организации, свойственной эпохе Модерна, и переходом к более сложному, «многоуровневому» политическому порядку (Hooghe & Marks, 2001). Эта тенденция, однако, не объясняет высокую кроссрегиональную ва-

риативность в развитии регионалистских партий. С другой стороны, множество исследований отдельных, как правило, самых ярких регионалистских партий (De Winter & Tursan, 1998; Mazzoleni & Mueller, 2016; Elias, 2009 и др.), также не дает ответа на вопрос, почему их развитие в странах Европы происходит так неравномерно. Поэтому неудивительно, что в 2000-е гг. ученые обратились к сравнительным large-N количественным исследованиям с целью выявить факторы, которые способствуют успеху регионалистов. В результате были обнаружены взаимосвязи некоторых характеристик регионов и успехов регионалистских партий. В данной статье ставится задача, опираясь на новые данные, протестировать полученные ранее выводы.

Теоретические подходы

Сравнительные исследования регионалистских партий в Европе базируются на нескольких теоретических подходах. Первоначально, опираясь на историко-социологическую концепцию «центр – периферия» С. Роккана (Rokkan, 1973), ученые фокусировались на специфике (distinctiveness) регионов, подчеркивая, что особая территориальная идентичность порождает стремление регионов сохранить свою «индивидуальность» в рамках национального государства, получить территориальную автономию, способствуя тем самым политической мобилизации в пользу регионалистских партий. Соответственно, в качестве факторов развития регионалистских партий рассматривались, прежде всего, этническая, а также географическая (периферийное положение) и историческая (исторические особенности в политическом развитии региона) специфика территории.

Другие исследователи руководствовались концепциями политической мобилизации, которые делают акцент на рациональных интересах региональных сообществ, полагая, что особая идентичность – всего лишь средство для достижения инструментальных целей (Fearon & Laitin, 2003). В этой логике к регионализму склонны более успешные в экономическом отношении регионы, поскольку автономия позволяет им сопротивляться политике выравнивания («перераспределения в пользу бедных»), которую в той или иной мере проводят все современные национальные правительства. Кроме того, для успешной политической мобилизации нужны материальные ресурсы, а они как раз и имеются в распоряжении экономически более развитых регионов. Правда, в рамках рациональных объяснений возможна и противоположная логика, вытекающая из концепции политической депривации Т. Гарра (Gurr, 1993). Здесь, наоборот, регионалистские требования скорее будут выдвигать экономически менее развитые регионы в надежде на то, что при большей самостоятельности будут развиваться более динамично. Чувства ущемленности, обиды (grievances), характерные для таких регионов, являются благоприятной почвой для политической мобилизации.

Еще одно направление исследований связано с концепцией «структуры политических возможностей» (Taagow, 1994), в первую очередь, институциональных. В качестве институциональных факторов, влияющих на развитие регионалистских партий, особое внимание уделяется степени децентрализации политической системы. Предполагается, что такие признаки децентрализованных систем, как формирование региональных органов власти путем выборов и наличие у них существенных полномочий, стимулируют политиков создавать региональные (в том числе регионалистские) партии, а избирателей – голосовать за них.

Как правило, в сравнительных large-N количественных исследованиях авторы, даже фокусируясь на каком-то одном факторе развития регионалистских партий, включают в статистические модели различные переменные, характеризующие и специфику региона, и его экономические характеристики, и институциональные возможности. Вместе с тем, для измерения этих переменных используются разные операциональные показатели, да и эмпирические наблюдения (единицы сравнения) в разных работах существенно различаются.

Так, у Д. Бранкати единицей анализа являются национальные выборы (с 1945 по 2002 г. В 37 странах, всего примерно 200 наблюдений), а зависимой переменной – сила всех региональных партий на каждых выборах (Brancati, 2007). Фокусируясь на степени децентрализации как основной независимой переменной, которую он измеряет дихотомически, автор контролирует и такие факторы, как этническая гетерогенность, система правления, характеристики избирательных систем. В результате оказывается, что именно децентрализация имеет значение, тогда как контрольные переменные дают неустойчивые коэффициенты.

С. Джоли, как и Д. Бранкати, использует результаты национальных выборов, но в региональном разрезе (Jolly, 2009). Это позволяет ему рассматривать в качестве единицы наблюдения не страны, а регионы (175 регионов в 14 странах Европы, 817 наблюдений), что представляется значительно

более плодотворным при изучении регионалистских партий. Правда, сила регионалистских партий измеряется дихотомически: получили ли они хотя бы одно место в парламенте от данного региона. Не делая акцент на каком-то одном факторе, автор анализирует влияние языковой специфики региона, уровня развития экономики (через соотнесение ВРП на душу населения с ВВП на душу населения), институциональных факторов, включая децентрализацию. Последняя, в отличие от Д. Бранкати, измеряется интервально на основе базы данных RAI (Regional Authority Index). Анализ показывает, что децентрализация и языковая специфика являются важными факторами развития регионалистских партий, а уровень развития экономики не имеет значения.

Э. Массетти и А. Шекель, исследуя, подобно Д. Бранкати, влияние децентрализации на развитие регионалистских партий, предлагают еще более точный инструмент измерения их силы – электоральные результаты на региональных выборах в период с 1950 до 2010 гг. (всего в их работе 329 регионов в 18 странах и 2 765 выборов) (Massetti & Schakel, 2017). Степень децентрализации измеряется на основе RAI. Кроме того, авторы контролируют не только социокультурные (регионы с особым языком), но и исторические факторы, отдельно кодируя как специфические те регионы, которые не входили в состав государства во время его создания. Правда, в отличие от децентрализации и социокультурной специфики влияние исторического фактора в результате проведенного анализа не подтверждается.

Следует заметить, что, хотя Э. Массетти и А. Шекель ссылаются на работы Р. Фитьяра, историческая специфика регионов у последнего измеряется более тщательно через композитный индекс из трех составляющих. Помимо того компонента, который использовали Э. Массетти и А. Шекель (регион не был частью государства при его создании), Р. Фитьяр предлагает еще два: регион не входил в состав данного государства на протяжении всего XX столетия, и регион имел исторический опыт независимости (Fitjar, 2010: 525). Итоговый индекс исторической специфики региона представляет собой сумму трех компонентов и принимает значение от 0 до 3. Строго говоря, этот индекс Р. Фитьяр разработал для анализа факторов, влияющих на силу региональной идентичности (измеряя ее на основе опросов Евробарометра), а не регионалистских партий (всего в исследовании 212 регионов в 13 странах). Тем не менее, примечательно, что в качестве независимых выступают примерно те же переменные: кроме исторической специфики, социокультурная (наличие в регионе особого языка), географическая (удаленность региона от столицы государства) и экономическая (отличие в уровне ВРП на душу населения от ВВП на душу населения), а также масштабы иммиграции и включенность в европейскую интеграцию. Историческая специфика в результате оказалась незначимым фактором, в отличие от социокультурной, географической и уровня развития экономики.

Примерно тот же набор факторов анализирует Д. Соренс, правда применительно не только к регионалистским, но и к сепаратистским партиям (Sorens, 2008). Для измерения географической специфики он использует не только удаленность региона от центра страны, но и дихотомические переменные (острова, эксклавы), языковой – оценки доли языковых меньшинств в населении региона, а историческую специфику кодирует на основе ответа на вопрос, объявлял ли регион независимость или был ли столичной провинцией иного государства с момента заключения в 1648 г. Вестфальского мира, заложившего основы современной системы суверенных государств. Экономический фактор измеряется «традиционно» как ВРП на душу населения, взвешенное ВВП на душу населения, степень децентрализации – дихотомически по шкале Д. Бранкати. Всего в анализе Д. Соренса около 400 регионов и более двух тысяч региональных и национальных выборов, которые и являются единицами наблюдения. Результаты, полученные автором, заметно отличаются от других. Позитивные и статистически значимые эффекты и для регионалистских, и для сепаратистских партий в той или иной мере показали лишь социокультурные факторы, а географические и институциональные (степень автономии) оказались статистически не значимы. Вместе с тем, Д. Соренс обнаружил существенные различия между факторами, влияющими на силу регионалистов и сепаратистов. Более развитые в экономическом отношении, а также имеющие исторический опыт независимости регионы демонстрируют склонность к сепаратизму, но не к регионализму. Сила регионалистских партий, напротив, выше в менее развитых регионах и не обладающих опытом независимости.

Этот краткий (и отнюдь не исчерпывающий) обзор показывает, что, используя различный инструментарий, исследователи зачастую приходят к разным выводам относительно факторов, влияющих на развитие регионалистских партий. Таким образом, вопрос остается открытым. В данной работе с учетом имеющейся литературы проверяется «стандартный» набор гипотез: на силу регионалистских партий в регионе позитивно влияют такие факторы, как социокультурная, историческая и географическая специфика региона, а также уровень экономического развития и степень децентрали-

зации (автономность региона как в плане формирования собственных органов власти, так и в объеме властных полномочий региональных властей). Вместе с тем, способы операционализации как зависимой, так и независимых переменных, а также выборка наблюдений для исследования в значительной мере отличаются от тех, которые использовались прежде.

Эмпирические данные для анализа

Единица наблюдения в данном исследовании – регион, понимаемый как административно-территориальная единица «мезо-уровня» публичной власти (между национальным уровнем и местным самоуправлением), в которой имеются органы власти, избираемые на прямых выборах населением региона и обладающие значительными собственными полномочиями (Abels & Battke, 2019: 6). При таком понимании некоторые страны Европы целиком или частично выпадают из исследования, так как «мезоуровень» либо отсутствует, либо региональные органы власти не избираются (Словения, Сев. Македония, Болгария и др.). Кроме того, из анализа исключены постсоветские страны, где региональные партии отсутствуют (Россия, Молдова, Украина, Беларусь), а также Босния и Герцеговина, которая на первом субнациональном уровне состоит из двух энтитетов, обладающих признаками государственности, что также не соответствует понятию регионов. В результате в выборке для анализа остались 313 регионов в 22 странах¹.

Зависимая переменная – сила регионалистских партий в регионе. При идентификации партии как регионалистской использованы конвенциональные критерии (см., например, De Winter & Tursan, 1998: 204; Massetti & Schakel, 2016: 62). Во-первых, это региональные партии, то есть в отличие от общенациональных (state-wide parties) их активность, в том числе электоральная, сконцентрирована в одном (или нескольких) регионах. Во-вторых, это такие региональные партии, которые выдвигают регионалистские требования. На основе анализа электоральной статистики за три последних электоральных цикла (общенациональные и региональные выборы), были выявлены все партии, соответствующие первому критерию, а изучение их программ / электоральных манифестов позволило выделить среди них регионалистские.

В отличие от предыдущих исследований, в данной работе используются данные, характеризующие современный этап развития регионалистских партий, их сила (*Сила РП*) определяется как среднее значение доли мест, полученных регионалистами в региональном парламенте за три последних электоральных цикла (в процентах)². Кроме того, учитываются только «значимые» и обладающие достаточно стабильной поддержкой регионалистские партии, а именно те, которые не просто участвовали в выборах, а получали хотя бы одно место в региональном парламенте и не однократно, а как минимум в двух из трех последних электоральных циклов. При этом агрегированный вариант измерения (среднее по трем циклам) сглаживает возможные всплески и падения поддержки регионалистов, а также позволяет избежать автокорреляции наблюдений, неизбежной при использовании панельных данных. В результате такой операционализации из 313 «значимые» регионалистские партии обнаруживаются в 59 регионах, в них показатель «Сила РП» имеет значение более 0%, в том числе в 46 – более 10%, а в 6 регионах – более 50%, максимальное значение (82,7%) – в Харгите (Румыния).

Независимые переменные в данном исследовании – социокультурная, историческая и географическая специфика, уровень развития экономики региона и степень децентрализации. Социокультурная специфика – пожалуй, единственный фактор, который во всех исследованиях показывает позитивное и статистически значимое влияние на силу регионалистских партий, но именно его измерение вызывает наибольшие вопросы. Как правило, в качестве прокси-показателя социокультурной специфики используется языковое своеобразие региона, но поскольку унифицированные и объективированные данные о языках в региональном разрезе отсутствуют, исследователи обычно полагаются на экспертные оценки. Эти оценки, однако, заметно различаются, поэтому в данной работе для кодировки социокультурной специфики региона использована комбинация трех источников. Во-первых, размещены два показателя из базы данных «RAI-Rokkan»³ по языку и по религии, где региону присвое-

¹ Все данные для исследования взяты из базы данных «Субнациональный регионализм и многоуровневая политика (REG-MLG)», созданной в рамках проекта Российского научного фонда (проект №19-18-00053). [Электронный ресурс]. URL: <http://identityworld.ru/index/srdmp/0-25#tab5> (дата обращения: 12.04.2022). 4 региона (Гренландия и Фарерские острова в Дании; Пожежско-Славонская и Вуковарско-Сремская жупании в Хорватии), соответствующие указанным критериям, исключены из анализа по причине отсутствия в REG-MLG всех необходимых данных.

² В тех регионах, где действуют несколько регионалистских партий, их места суммировались.

³ The RAI-ROKKAN dataset on regional distinctiveness. [Электронный ресурс]. URL: https://garymarks.web.unc.edu/wp-content/uploads/sites/13018/2021/02/RAI_Rokkan-distinctiveness-manual.doc.pdf (дата обращения: 12.04.2022).

ны значения «1», если родной язык большинства населения отличается от языка большинства населения страны, и если большинство населения региона исповедует религию, отличную от той, которая доминирует в стране⁴. Такая кодировка представляется слишком жесткой (из 313 регионов только 32 имеют значение «1»), так как регионалистские партии могут возникать и в тех случаях, когда языковая или религиозная группы не являются большинством населения региона. Поэтому, во-вторых, на основе авторитетного экспертного ресурса Ethnologue⁵ выделены языки меньшинств, для которых указана локализация в определенном регионе. Соответственно эти регионы (185 единиц) идентифицированы как имеющие языковые меньшинства, и им присвоено значение «1». В-третьих, аналогичная процедура была проделана на основе другого экспертного ресурса Language Diversity, который содержит картографическую информацию о локализации языковых меньшинств в странах Европы⁶, что позволило определить регионы (179 единиц), где локализованы языковые меньшинства. В результате для измерения социокультурной специфики региона сконструирован композитный индекс «Язык.специфика», который представляет собой сумму трех указанных выше дихотомических кодировок и, соответственно, принимает значение от «0» до «3»⁷.

Измерение исторической специфики регионов основано на описанной выше методике Р. Фитъяра, но она была несколько уточнена и скорректирована. В результате композитный индекс исторической специфики (*Ист.специфика*) принимает значения от «0» до «4», так как состоит из четырех дихотомических параметров, каждый из которых принимает значение «1», если: 1) регион не вошел в состав государства при его образовании; 2) регион оставался самостоятельным государством после того, как образовалось данное государство; 3) после того, как регион вошел в состав государства, были периоды, когда он выходил из его состава; 4) для тех регионов, которые вошли в состав государства при его образовании: регион имел длительную собственную государственность до того, как образовалось государство, или входил в состав иного имперского образования, чем основная часть страны⁸.

Географическая специфика регионов фиксируется в агрегированном показателе из трех дихотомических переменных: изолированность (острова, эксклавы), прибрежность (наличие выхода к морю) и пограничность (регионы, которые имеют сухопутные границы с другими странами). Гипотетически все это должно увеличивать специфику региона. В результате показатель «Гео.специфика» может принимать значения от «0» до «3». К этому добавлена «Удаленность региона» – расстояние между столицами региона и страны (в тыс. километров).

Для измерения уровня экономического развития региона использован стандартный показатель ВРП на душу населения⁹. Однако «экономическое благополучие» региона как фактор силы регионалистских партий имеет смысл не в абсолютных значениях, а относительно ситуации в стране, поэтому ВРП на душу населения был поделен на ВВП на душу населения и умножен на 100, чтобы представить этот показатель в процентном измерении, так что значение больше 100% имеют регионы, относительно богатые по сравнению с другими в данной стране, а менее 100% – относительно бедные.

Степень децентрализации (объем властных полномочий региона), как и в других исследованиях, измерена на основе базы данных RAI¹⁰. Нельзя не заметить, что при обсуждении влияния децентрализации на развитие регионалистских партий возникает подозрение в эндогенности, поскольку децентрализация может стать результатом выполнения требований сильных регионалистских партий. Д. Бранкати, однако, с помощью инструментальных переменных статистически доказывает, что даже

⁴ Эти два показателя дополняют друг друга (только в 1 случае обе переменные принимают значение «1»: Карджали в Болгарии, но Болгария остается за рамками данной работы), поэтому совмещенный вариант является простой суммой значений двух показателей.

⁵ Ethnologue: Languages of the Word. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ethnologue.com/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁶ Language Diversity. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.map.language-diversity.eu/> (дата обращения: 12.04.2022). Сопоставление Ethnologue и Language Diversity, как и ожидалось, показывает, что экспертные оценки отнюдь не всегда совпадают.

⁷ Кодировка из RAI-Rokkan как самая жесткая практически во всех случаях совпадает с двумя другими, но она полезна, поскольку добавление ее в композитный индекс увеличивает его значение, и это показывает, фактически, не просто наличие языкового меньшинства в регионе, но и его «вес» в составе населения.

⁸ Последнее имеет значение для тех стран, которые возникли в результате распада политических образований имперского типа. Например, Воеводина входила в состав Австро-Венгерской империи, тогда как вся остальная территория Сербии – в состав Османской империи.

⁹ Источник данных – статистическая база Европейского союза: Eurostat. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 12.04.2022).

¹⁰ Regional Authority Index. [Электронный ресурс]. URL: <https://garymarks.web.unc.edu/data/regional-authority-2> (дата обращения: 12.04.2022).

в кросснациональном сравнении отношения между децентрализацией и силой региональных партий не являются эндогенными, то есть именно децентрализация влияет на региональные партии, а не наоборот (Brancati, 2007: 141–142). Если же говорить о кроссрегиональном исследовании, проверка на эндогенность даже не требуется, поскольку децентрализация, как правило, происходит на симметричной основе, и в подавляющем большинстве стран значения индекса RAI одинаковы у всех регионов страны, независимо от наличия и силы регионалистских партий.

Дополнительно в анализ включен еще один фактор. Можно предположить, что на развитие регионалистских партий позитивно влияет «значимость» региона, то есть его «размер», удельный вес в масштабах страны. Гипотетически «значимость» региона порождает ощущение собственной важности, «весомости», и это может способствовать возникновению регионалистских партий. Кроме того, чем больше регион по размеру, тем выше шансы регионалистских партий на электоральный успех на национальном уровне, что дает дополнительный стимул для их развития. Для определения «значимости» региона рассчитана его доля в населении страны (в процентах)¹¹.

Дескриптивная статистика по всем переменным представлена в табл. 1.

Таблица 1

Дескриптивная статистика (N=313)

Факторы	Минимум	Максимум	Среднее	Медиана	Ст. откл.
Сила РП (в %)	0,0	85,9	5,00	0,00	14,13
Язык.специфика	0	3	1,23	1	0,99
Ист.специфика	0	3	0,47	0	0,73
Гео.специфика	0	3	0,97	1	0,66
Удаленность (тыс. км)	0,00	1,75	0,24	0,19	0,22
ВРП к ВВП (в %)	44,17	261,05	90,28	82,68	29,42
RAI	7,0	27,0	14,1	10,0	7,2
Доля в населении (в %)	0,18	57,58	5,88	3,56	6,30

Результаты анализа

Тестирование гипотез проводилось методом множественной линейной регрессии. Результаты анализа представлены в табл. 2. Страны Европы можно разделить на две категории (Западная или «старая» и «новая» Европа), которые существенно различаются по своим историческим, социально-экономическим, да и политическим характеристикам. Учитывая, что это может оказывать влияние на анализ факторов успеха регионалистских партий, дополнительно к полной выборке из 313 регионов (модель 1) были протестированы модели 2 и 3 для двух групп отдельно. К «старой» Европе отнесены Австрия, Бельгия, Дания, Германия, Греция, Испания, Франция, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Финляндия, Швейцария, Швеция, Великобритания – всего 192 региона. Остальные 7 стран (Чехия, Хорватия, Венгрия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия) представляют собой «новую» Европу – 121 регион.

Результаты анализа показывают устойчивые и статистически значимые во всех моделях значения коэффициентов у двух предикторов: «Язык.специфика» и «Ист.специфика». В целом, увеличение показателя социокультурной специфики на один ранг дает прирост доли мест регионалистской партии в региональном парламенте на 4,1 п.п., в «старой» Европе несколько меньше (3,86 п.п.), но в «новой» – даже 5,5 п.п. Примерно в той же степени на силу регионалистов воздействует историческая специфика: 3,4 п.п. на всей выборке, 2,6 п.п. в «старой» и 6,2 п.п. в «новой» Европе.

¹¹ Источник данных – статистическая база Европейского союза: Eurostat. [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 12.04.2022).

Результаты регрессионного анализа

Переменные	Все регионы	«Старая» Европа	«Новая» Европа
	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)
Язык.специфика	4,147*** (0,793)	3,758*** (0,952)	5,460*** (1,326)
Ист.специфика	3,406*** (1,082)	2,612* (1,563)	6,179*** (1,661)
Гео.специфика	-0,872 (1,231)	1,862 (1,642)	-4,271*** (1,826)
Удаленность	12,359*** (3,765)	13,244*** (4,080)	-21,845* (12,359)
ВРП к ВВП	0,057*** (0,026)	0,173*** (0,039)	-0,066* (0,035)
RAI	0,064 (0,104)	0,149 (0,144)	0,636 (1,385)
Доля в населении	0,063 (0,123)	0,032 (0,135)	-0,059 (0,294)
Константа	-10,187 (2,862)	-25,018 (4,520)	2,894 (11,702)
Скоррект. R ²	0,211	0,276	0,264
N	313	192	121
Sig.	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01		

Следует заметить, что, хотя историческая и социокультурная специфики связаны между собой, эта связь не слишком сильна (значение коэффициента корреляции Спирмена «0,334»), и мультиколлинеарности в моделях не обнаруживается. Действительно, среди регионов с сильными регионалистскими партиями немало тех, где ярко выражена социокультурная специфика, но очень слабо – историческая (Бретань и Корсика во Франции, Галисия в Испании, Фландрия в Бельгии и т.д.). Правда, противоположные примеры отсутствуют, так что социокультурная специфика имеет все же более важное значение, однако есть регионы, где она не столь велика, но именно в комбинации с исторической дает эффект на силу регионалистских партий (Бавария в Германии, Дубровачка-Неретванска жупания в Хорватии и др.), так что историческую специфику региона можно рассматривать не столько как самостоятельный фактор, сколько как благоприятное условие, усиливающее эффект социокультурной специфики¹².

Еще два предиктора также имеют статистически значимые коэффициенты, однако направление их воздействия в разных моделях различается. Для стран «старой» Европы подтверждается гипотеза, что регионализм более развит в экономически благополучных регионах: увеличение ВРП на душу населения относительно ВВП на душу населения на 1 п.п. повышает долю мест регионалистских партий в региональном парламенте на 0,17 п.п. «Новая» Европа, однако, демонстрирует противоположную тенденцию, здесь аналогичное изменение в значениях экономического благополучия региона не увеличивает, а снижает силу регионалистских партий, хотя и всего на 0,066 п.п. Это говорит о том, что оба теоретических предположения по поводу влияния уровня развития экономики имеют эмпирические основания, регионалистские интенции могут возникать как в экономически более сильных регионах, так и в относительно слабых.

¹² Это предположение подтверждается, если сделать регрессионные модели с интерактивным эффектом, добавив переменную «Язык.специфика x Ист.специфика». Тогда на всей выборке основной эффект составляет 1,44 п.п., такой прирост доли мест регионалистской партии в региональном парламенте дает увеличение показателя социокультурной специфики на один ранг при нулевом значении, то есть отсутствии исторической специфики. При этом обнаруживается существенный и статистически значимый маргинальный эффект: воздействие социокультурной специфики на силу регионалистов будет возрастать на 6,2 п.п. по мере увеличения значения исторической специфики на один ранг. В моделях со «старой» и «новой» Европой коэффициенты оказываются еще выше: основной эффект в обеих моделях достигает значения 1,9 п.п., а маргинальный – 3,9 п.п. в «старой» и 9,2 п.п. – в «новой».

По-разному влияет и географическая специфика региона. В «старой» Европе его удаленность от центра страны оказывает позитивное воздействие на силу регионализма: каждая тысяча километров увеличивает долю регионалистских партий в региональном парламенте на 13,2 п.п., правда другие характеристики географической специфики (изолированность, прибрежность и пограничность) не имеют статистически значимого эффекта. В «новой» Европе все наоборот: каждая тысяча километров удаления от столицы снижает долю регионалистских партий на 21,8 п.п., в том же направлении действует прибрежность и пограничность (изолированных регионов в странах «новой» Европы нет). Возможно, этот несколько неожиданный результат связан с тем, что страны «новой» Европы – это «обломки континентальных империй» (Османской, Австро-Венгерской, Российской), которые распались после Первой мировой войны (Подвинцев, 2019). Границы новых государств проводились, как правило, с учетом расселения той этнической группы, которая стала «государствообразующей», но «внутри» сохранилось немало территорий с высокой концентрацией других этнических групп, особенно тех, которые доминировали в прежних империях (например, венгры в румынской Трансильвании). В результате, в отличие от Западной Европы, в «новой» Европе регионы с этническими меньшинствами зачастую находятся не на периферии, а на «внутренних территориях». Иначе говоря, негативное влияние географической специфики региона может объясняться спецификой локализации этнических меньшинств.

Наконец, результаты анализа не подтвердили гипотезы относительно таких факторов регионализма, как децентрализация и удельный вес региона в масштабах страны. Ни индекс RAI, ни доля региона в населении страны не имеют значимых коэффициентов ни в одной из моделей.

Следует отметить, все три модели демонстрируют среднюю объяснительную силу, в моделях 2 и 3 скорректированные значения R^2 составляют «0,26-0,27», то есть модели объясняют примерно четверть вариаций. В модели 1 по понятным причинам (два важных предиктора имеют противоположное влияние в регионах «старой» и «новой» Европы) значение R^2 несколько ниже («0,21»). Следовательно, протестированная комбинация факторов, влияющих на силу регионалистских партий, отнюдь не является исчерпывающей. Очевидно, что наряду с «общими» на развитие регионалистских партий воздействуют «особые» факторы. Так, девиантные значения силы регионалистов (остаток превышает два стандартных отклонения) демонстрируют сразу 4 румынских региона Ковасна, Харгита, Муреш и Сату Маре, где «чрезмерно» (с точки зрения моделей) сильны венгерские этнорегионалистские партии, и это явно «страновая» специфика, вызванная особой ролью венгерского меньшинства в политическом ландшафте Румынии. Вместе с тем, на всей выборке статистические тесты не показывают автокорреляции наблюдений, которая могла бы быть следствием принадлежности регионов к разным странам как наблюдениям второго уровня. Следовательно, в целом страновая специфика не является существенной, и это делает излишним многоуровневый анализ. Намного более значима специфика единичных случаев, что, в частности, хорошо видно по списку аутлайеров. Кроме румынских случаев, это Фландрия, Истрия, Аланды, Корсика, Бавария – отдельные регионы из разных стран, а в Великобритании – Шотландия, Северная Ирландия (но не Уэльс), в Испании – Каталония и Страна Басков (но не Галиция), в Италии – Валле д'Аоста и Южный Тироль (но не другие регионы со специальным статусом). Примечательно, что все аутлайеры демонстрируют отклонения по силе регионалистских партий в положительную сторону, и многочисленные case-studies (Борисова, 2020; Грабевник, 2021; Ashbrook, 2005; Tronconi, 2015; Stjepanović, 2018 и др.) доказывают, что наряду с «общими» факторами есть совершенно особые причины «экстраординарных» успехов регионалистов для каждого из этих единичных случаев.

* * *

Проведенное исследование еще раз подтверждает, что ключевое значение для успеха регионалистских партий в европейских странах имеет специфика региона, в первую очередь, его социокультурные особенности. Специфика исторического развития также оказывает позитивное влияние, однако более тщательный анализ дает основание полагать, что она является не столько самостоятельным фактором, сколько благоприятным условием, усиливая эффект воздействия социокультурной специфики.

Наибольшие дискуссии в литературе вызывает вопрос, как влияет на развитие регионализма экономика, что стимулирует регионалистские требования: экономическое благополучие и нежелание делиться своими ресурсами с другими или экономическая отсталость, чувства ущемленности и обиды. Результаты анализа доказывают, что обе логики имеют эмпирические основания. В более развитой Западной Европе («старой» Европе) на успехи регионалистских партий позитивно влияет относи-

тельно высокий уровень развития экономики региона, тогда как в странах «новой» Европы, напротив, регионалистские партии успешнее в относительно слабых регионах. Достаточно часто обсуждаемая гипотеза относительно позитивного воздействия децентрализации на развитие регионалистских партий не нашла подтверждений.

Наряду с «общими» факторами (специфика региона, уровень социально-экономического развития) на успех регионалистских партий оказывают влияние «особые» факторы, и как показало исследование, более важными являются не страновые особенности, а специфика единичных случаев. Все регионы, которые в результате статистического анализа оказались аутлайерами, демонстрируют «излишне» высокие значения силы регионалистских партий, а не наоборот, и для каждого единичного случая этому есть особые объяснения, хорошо описанные в литературе.

Список литературы / References

- Борисова, Н. В. (2020) 'Судьба «неэтнического регионализма» и языковые требования в регионалистской повестке: Воеводина и Истрия в сравнительной перспективе', *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, сс. 40–53. [Borisova, N. V. (2020) 'The fate of "Non-Ethnic Regionalism" and Language Claims on the Regionalist Agenda: Vojvodina and Istria in a Comparative Perspective' [Sud'ba «neetnicheskogo regionalizma» i yazykovye trebovaniya v regionalistskoj povestke: Voevodina i Istriya v sravnitel'noj perspektive], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, pp. 40–53. (In Russ.)].
- Грабевник, М. В. (2021) 'Сила регионалистских партий Соединенного Королевства: концептуализация и измерение', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология*, 3, сс. 463–478. [Grabevnik, M. V. (2021) 'Party Strength of Regionalist Parties of United Kingdom: Conceptualisation and Measuring' [Sila regionalistskih partij Soedinennogo Korolevstva: konceptualizaciya i izmerenie], *RUDN Journal of Political Science*, 3, pp. 463–478. (In Russ.)].
- Осколков, П. В. (2021) 'Этнорегионалистские партии ЕС: Феномен Европейского свободного альянса', *Современная Европа*, 1, сс. 141–150. [Oskolkov, P. V. (2021) 'Ethnoregionalist Parties in the EU: The European Free Alliance Phenomenon' [Etnoregionalistskie partii ES: Fenomen Evropejskogo svobodnogo al'yansa], *Contemporary Europe*, 1, pp. 141–150. (In Russ.)].
- Подвинцев, О. Б. (2019) *Империя и споры о ней*. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. [Podvintsev, O. B. (2019) *Empire and disputes about it* [Imperiya i spory o nej]. Perm: Perm University. (In Russ.)].
- Роккан, С., Урвин, Д. (2003) 'Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму', *Логос*, 6, сс. 117–132. [Rokkan, S., Urwin, D. (2003) 'Politics of Territorial Identity. The Studies of European Regionalism' ['Politika territorial'noj identichnosti. Issledovaniya po evropejskomu regionalizmu], *Logos*, 6, pp. 117–132. (In Russ.)].
- Туров, Н. (2021) '«Дайте нам независимость, или дайте нам денег»: усиление влияния региональных партий в современной Европе', *Мировая экономика и международные отношения*, 6, сс. 33–41. [Turov, N. (2021) '«Give Us Liberty, or Give Us Money»: Growth of Regional Parties' Influence in Contemporary Europe' [Dajte nam nezavisimost', ili dajte nam deneg]: usilenie vliyaniya regional'nyh partij v sovremennoj Evrope'], *World Economy and International Relations*, 6, pp. 33–41. (In Russ.)].
- Abels, G., Battke, J. (eds.) (2019) *Regional governance in the EU: regions and the future of Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Ashbrook, J. (2005) '«Buying the Istrian Goat»: Regionalism and the Economy in Croatian Istria', *East European Quarterly*, 3, pp. 329–366.
- Brancati, D. (2007) 'The origins and strengths of regional parties', *British Journal of Political Science*, pp. 135–159.
- De Winter, L., Türsan, H. (eds.) (1998) *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge.
- Elias, A. (2009) *Minority Nationalist Parties and European Integration: A Comparative Study*. New York, NY: Routledge.
- Fearon, J., Laitin, D. (2003) 'Ethnicity, insurgency, and civil war', *American political science review*, 1, pp. 75–90.

- Fitjar, R. (2010) 'Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe', *European Journal of Political Research*, 4, pp. 522–544.
- Gurr, T. R. (1993) *Minorities at risk: A global view of ethno-political conflicts*. Washington: United States Institute of Peace Press.
- Hepburn, E. (2009) 'Introduction: Reconceptualizing Sub-State Mobilization', *Regional & Federal Studies*, 4–5, pp. 477–499.
- Hooghe, L., Marks, G. (2001) *Multi-Level Governance and European Integration*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 256 p.
- Jeffery, C. (2009) 'New Research Agendas on Regional Party Competition', *Regional & Federal Studies*, 4–5, pp. 639–650.
- Jolly, S. (2009) 'Economics or Culture? Explaining Regionalist Party Success in Europe', *Paper Presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association*, Toronto, Ontario, 3–6 September.
- Jolly, S. (2015) *The European Union and the Rise of Regionalist Parties*. Ann Arbor: University of Michigan Press. 235 p.
- Massetti, E., Schakel, A. (2016) 'Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism', *Party Politics*, 1, pp. 59–79.
- Massetti, E., Schakel, A. (2017) 'Decentralisation reforms and regionalist parties' strength: accommodation, empowerment or both?', *Political Studies*, 2, pp. 432–451.
- Mazzoleni, O., Mueller, S. (eds.) (2016) *Regionalist Parties in Western Europe*. New York: Routledge, 208 p.
- Rokkan, S. (1973) 'Cities, States and Nations: A Dimensional Model for the Study of Contrasts in Development' in: *Building states and nations: Models and data resources* / ed. by Eisenstadt, S., Rokkan, S. L. Sage, vol. 1, pp. 73–91.
- Sorens, J. (2008) 'Regionalists Against Secession: The Political Economy of Territory in Advanced Democracies', *Nationalism and Ethnic Politics*, 3, pp. 325–360.
- Stjepanović, D. (2018) *Multiethnic Regionalisms in Southeastern Europe*. London: Palgrave Macmillan.
- Tarrow, S. (1994) *Power in Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 251 p.
- Tronconi, F. (2015) 'Ethno-regionalist Parties in Regional Government: Multilevel Coalitional Strategies in Italy and Spain', *Government and Opposition*, 4, pp. 578–606.

Статья поступила в редакцию: 11.05.2022

Статья принята к печати: 29.06.2022

REGIONALIST PARTIES IN EUROPEAN COUNTRIES: FACTORS OF SUCCESS

P. V. Panov

P. V. Panov, Dr. Sci. (Political Science),
Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS.
E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Abstract

At the end of the XX – beginning of the XXI centuries, regionalist parties have become reputable and influential political players in the European political landscape, however, the unevenness of their development in the cross-regional dimension raises the question of the factors that impact their success. The article aims to test the hypothesis developed in previous works based on other empirical data and using different ways of operationalizing variables. The study is carried out by the method of multiple linear regression on the empirical material of all 313 administrative-territorial units of European countries that fully correspond to the concept of "region". As a result of the analysis, it was found that the socio-cultural and historical specificity of the region has the most stable influence on the success of regionalist parties, while the socio-cultural one is of utmost importance. The level of economic development of the region is also statistically significant, but its effects are multidirectional. In the countries of "old" Europe, more developed regions tend to have regionalism, while in "new" Europe, on the contrary, regionalist parties are more successful in underdeveloped regions. The hypothesis regarding the positive impact of decentralization on the development of regionalist parties is not confirmed.

Keywords: region; regionalist parties; comparative analysis; elections; regional specificity.